

Кудрявцева Е. А. Грамматический облик закона в языковой практике начала XVIII века / Е. А. Кудрявцева // Научный диалог. — 2018. — № 4. — С. 87—99. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-87-99.

Kudryavtseva, E. A. (2018). Grammatical Appearance of Law in Language Practice of Early 18th Century. *Nauchnyy dialog*, 4: 87-99. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-87-99. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 811.161.1'36:003.349.3"17"

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-87-99

Грамматический облик закона в языковой практике начала XVIII века

© Кудрявцева Екатерина Александровна (2018), orcid.org/0000-0001-7973-9569, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия), katekudr@yandex.ru.

Рассмотрены структурно-семантические элементы законодательной ситуации, зафиксированные в правовых актах начала XVIII века, в сравнении с соответствующими структурными компонентами древне- и старорусских законодательных текстов. Определено, что исторические изменения структуры законодательной ситуации заключаются в ее значительном усложнении, что проявляется в экспликации большего числа элементов ситуации, а следовательно, увеличивается число грамматических репрезентаций этих элементов. Установлены элементы организации закона как текста в рассматриваемый период: обстоятельства, вызвавшие необходимость законодательных действий; то, что должно исполняться; нарушение предписанного; наказание за нарушение. Особое внимание уделено определению общих структурных особенностей древних памятников права и документов начала XVIII столетия. Показано, что в числе таких особенностей — представление ситуаций, включающих элемент «то, что должно исполняться», который является семантическим центром текста закона и репрезентируется посредством инфинитивных конструкций. Кроме того, в этих текстах маркированы ситуации, строящиеся по модели *нарушение закона* → *наказание*: и в древнерусских текстах, и в законах петровского времени они нашли выражение в конструкциях с условным придаточным. В то же время в документах XVIII века элементы *нарушение закона* → *наказание* часто занимали периферийную позицию в структуре законодательного акта. Актуальность исследования видится в выявлении структурной модели закона как текста не на основании формально-композиционного деления, типичного при анализе текстов документов, а на основании выделения смысловых компонентов и их лексико-грамматической репрезентации, характерной для определенных периодов.

Ключевые слова: история русского языка; законодательный текст; законодательная ситуация; грамматическая репрезентация.

1. Введение

Памятники русского права разных эпох в последние годы активно изучаются представителями различных отраслей гуманитарного знания. Этот интерес объясняется тем, что данный корпус источников «наиболее широко отражает как реалии бытовой, в том числе криминальной повседневности, так и весь спектр изменений, происходящих в культурно-правовом сознании древнерусского человека» [Осовский, 2014, с. 146].

Законодательные тексты традиционно оказываются в фокусе внимания историков права [Акишин, 2016; Пронина, 2008; Георгиевский, 2004]. Лингвистов памятники русского права, относящиеся к деловой письменности, привлекают в двух основных аспектах — как источники изучения русского языка в историческом и синхронном срезах и как самостоятельный объект со своими структурно-семантическими особенностями. В работах последних десятилетий предметом лингвистического анализа древних и современных текстов юридического содержания являются лексико-стилистические особенности документов [Никитин, 2004; Никитин, 2007], терминологическая лексика и ее историческое содержание [Лыкова, 2005], текстовые категории [Широбокова, 2007]. Исследуется структура региональных памятников делового письма XVIII века, в том числе копий столичных законодательных текстов, анализируются элементы формуляра соответствующих документов [Косов, 2004; Майоров, 2006].

Однако структурно-семантические элементы, организующие закон как текст, специально не рассматривались. Для описания модели конкретного законотворческого действия в дальнейшем будет использоваться термин *законодательная ситуация*.

В статье предпринимается попытка выявить основные составляющие законодательной ситуации и описать их грамматические репрезентации в документах первых десятилетий XVIII века.

Материалом для анализа послужили законодательные акты, опубликованные в книге «Российское законодательство X—XX веков», а также рукописные копии указов Петра I, хранящиеся в фонде «Туруханский Троицкий монастырь» (Государственный архив Красноярского края).

Известно, что язык делового письма, в том числе язык права, достаточно консервативен. Законодательные тексты позднего времени сохраняют преемственность древним правовым документам [Никитин, 2004, с. 8]. В связи с этим в статье обращается внимание на репрезентацию законодательных ситуаций в древне- и старорусских текстах.

Памятники русского права как древнейших, так и более поздних эпох представляли собой тексты двух типов: кодексы, состоящие из множества

статей, и тексты, регламентировавшие какое-то одно законодательное действие. К документам второго типа в древнерусскую эпоху относились княжеские грамоты. В XVI веке появляются первые указы [Пронина, 2008, с. 266], которые становятся основными правовыми актами в документной системе петровской эпохи.

Естественно, что в языке законодательства от древнерусского периода к XVIII столетию произошли существенные изменения, связанные как с усложнением делопроизводства, так и с развитием правовой системы, которая в Древней Руси была весьма несовершенна [Российское законодательство ..., 1984, с. 21]. В то же время, как представляется, смысловые элементы, организующие законодательную ситуацию, имеют вневременной характер, исторически изменчивы экспликация тех или иных элементов ситуации и их лексическое и грамматическое воплощение. Эту историческую динамику можно показать при сопоставлении структурных элементов законодательной ситуации, отраженных в соответствующих текстах разных эпох.

2. Грамматическая репрезентация законодательной ситуации в древне- и старорусских документах

Законодательные статьи в древнерусских правовых кодексах в основном имели двухчастную структуру, включающую элементы «нарушение закона» и «наказание за нарушение». Грамматически такая структура представляет собой сложноподчиненное предложение с условным придаточным либо конструкцию с недифференцированной связью.

Таким образом построены статьи договоров русских с греками, дошедшие в составе «Повести временных лет». Например, отрывок из «Договора Олега с греками»: *Аще кто убьѣ(т) или хрестьянина руси(н) или хрестьянинъ русина, да умре(т)* [Хрестоматия..., 1990, с. 108]; или фрагмент «Договора Игоря с греками»: *Аще ли убьѣтъ х(р)ес(т)янинъ русина или русинъ х(р)ес(т)янина ... аще ли есть немовити и ускочитъ же да ищють его дондеже ибращет сѧ да убьенъ будетъ* [Обнорский и др., 1999, с. 117].

Аналогична структура статей «Русской правды» в ее краткой и пространной редакциях: *Аже кто убьетъ княжа мѹжа в разбои, а головника не ищють то виревную платити, въ чьѣи же верви голова лежить* [Российское законодательство ..., 1984, с. 64].

Таким же образом организован текст «Договора смоленского князя с Ригой и Готским берегом». Статьи Договора построены по модели «нарушение → наказание» или «причина, вызвавшая законодательные действия → то, что должно исполняться»: *Кто биеть друга дѣревльмъ*

а будѣте синь любо кровавъ полуторы гривны серебра платити юму [Обнорский и др., 1999, с. 53]; Аже латинескии усхочеть юхати и смольнеска своимъ товаромъ въ ину сторону про то юго князю не дѣржати ни иному никому же [Там же, с. 54].

Однако здесь же можно встретить и статьи, состоящие из одного структурного элемента — «то, что должно исполняться»: *Всакому латинескому члѣку свободѣнь путе из гочкого берега до смольнеска без мыта [Там же, с. 55].*

В документах XV века обнаруживаются те же структурно-семантические элементы, что и в текстах предшествующего периода. Ср. в «Псковской судной грамоте»: *И всякому властелю за друга не тягаться, опрочь своего орудия [Российское законодательство ..., 1984, с. 338]; А кто с кимъ побьется во Пскове или на пригороде ... а толко приставомъ не позовутся, а промеж себе прощенье возмутъ, ино ту князю продажи нет [Там же, с. 339]; в «Судебнике» 1497 года, источниками для которого послужили в числе прочих «Русская правда» и «Псковская судная грамота» [Акишин, 2016]: *А неделиком на суде на боярина, и на околничих, и на диаков посула не просити и не имати, а самимъ от поруки посулов не имати [Российское законодательство..., 1985, с. 58]; А послух не пойдет перед судью, ест ли за ним речи, нет ли, ино на том послуе исцово и убытки и все пошлыны взяти [Там же, с. 60].**

Как видно из приведенных примеров, двухчастные статьи обнаруживают структуру «причина (условия), вызвавшая законодательные действия» → «то, что должно исполняться». Грамматическое выражение — те же условные конструкции с типичными для них средствами связи: *аще..., (то)...*; *аже..., (то)...*; *а (кто/ который в различных падежных формах)...*, *ино...* Характер союзов и главного предложения связан с тем, в какой традиции написан текст — церковнославянской или русской: главное предложение выражено конструкцией «да + презенс глагола» либо инфинитивной конструкцией.

Статьи, состоящие только из элемента «то, что должно соблюдаться», представляют собой инфинитивные или именные предложения.

3. Грамматическая репрезентация законодательной ситуации в документах начала XVIII века

Как известно, время правления Петра I характеризуется активной законодательной деятельностью, причем многие правовые акты были созданы самим императором или при его личном участии [Российское законодательство..., 1986, с. 21]. Наряду с кодексами появляется множество указов, регламентирующих отдельные, частные вопросы. Такие тексты часто

не рубрицированы и имеют громоздкую структуру, в которой составляющие законодательной ситуации «обрастают» различными деталями.

Элементом многих правовых документов рассматриваемого периода становится указание на причину (обстоятельства) составления законодательного документа. Она могла совпадать с элементом «нарушение закона», могла не совпадать. Причина могла оформляться разными придаточными (условия, причины, определительными) или сложноподчиненными предложениями, в которых главная часть — модальная рамка, указывающая на авторство документа и законодательную инициативу императора.

Можно выделить следующие «виды» причин, вызвавших законотворчество:

1. Причина — НАРУШЕНИЕ ЗАКОНА: *Понеже многие являются подметные письма в которых бо́льшая часть воровских і расколничых вымышлений которыми под видом добродѣтели ядъ свиі изливаетъ* [ГАКК, ф. 594, оп. 1, ед. хр. 2. л. 13об]; *Великому гсѣрю црю и великому кнзю Петру Алеѣвичю ... вѣдомо учинилось что многия разночинцы і посадники и поселяня вбыкли жить праздни і не токмо что по воскреснымъ дням но і в великие гсѣские праздники в цковъ к службѣ бж҃іи не ходять и не исповѣдываютца* [ГАКК, ф. 594, оп. 1, ед. хр. 1, л. 33].

Информация о нарушении может быть включена в структурную часть «то, что должно исполняться»: *А за многлюдными разбои губернаторам ... і кому то надлежит по вбъявлению в томъ вт лантрихтеров і лантраговъ ... посылать для поѣмки ихъ служилых людєі* [ГАКК, ф. 594, оп. 1, ед. хр. 1, л. 14] — или присутствовать в пресуппозиции: *Великій гсѣрь црь і великій кнзъ Петръ Алеѣвичъ ... указал нынѣ по прежнимъ своим ... указом и уложенью о всеконечном іскорененіи повсюду воров татеі і разбоѣниковъ и ихъ становичиковъ* [ГАКК, ф. 594, оп. 1, ед. хр. 1, л. 14].

Нарушением могло быть неисполнение уже действующего законодательного акта (указа): *Того ради его царское величество видя что его милостивые указы не тѣкмо мало исполняются и о злодѣ(й)ски от таких воров уничтоживающа повелѣль* [ГАКК, ф. 594, оп. 1, ед. хр. 1, л. 41об].

2. Причина — УТОЧНЕНИЕ / РАЗЪЯСНЕНИЕ ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ: *Понеже въ данно(и) генералитету і штапъ овицеромъ ... инструкции... написано объявить дворяном чтобъ платили со всяко(и) бши ... по осми гривень а более того с нихъ никакихъ подате(и) ... не будетъ ... и сего генваря ... по его імператорского величества указу ... велено* [ГАКК, ф. 594, оп. 1, ед. хр. 6, л. 1].

3. Причина — НЕКОТОРОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ, ТРЕБУЮЩЕЕ СРОЧНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ: *Понеже генералитетъ і штапъ овицер[ъ] переписку*

і свидѣтельство душъ еще не откончали ... того ради на содержание ... армѣи і гварнионных полковъ въ губерніях и в провинціях по то(и) переписи собрать денги на двѣ трети [ГАКК, ф. 594, оп. 1, ед. хр. 7, л. 19об]; *Когда сколько кто комисару денег заплатит, тогда оному тот свои платеж в приходной комисарской книге, которая ему дана будет из Камор-коллегіи, с прошивным инуром и за печатью, под статью подписать своею рукою* [Российское законодательство..., 1986, с. 203]; *А которым крестьяном нужда будет итти для прокормления работою в другой уезд, и в таких пропускных писмах, что он отпущен в другой уезд, писать имянно* [Там же, с. 209]; *Ежели помещик пожелает людей своих и крестьян перевести в другое место, то просить ему в Камор-коллегіи указа, и в том ... челобитчиком брать сказки, чтоб подушные деньги платить им в указные сроки* [Там же, с. 210].

Как видно, обстоятельства, послужившие основанием для конкретного законодательного действия, в документах начала XVIII века обычно выражаются с помощью конструкций с союзами *понеже* и *того ради*. Данная конструкция вводится в документную практику Петром I как своеобразная преамбула, свидетельствующая об актуальности законодательного действия. При этом она нередко утрачивает причинное значение и функционирует как структурообразующее средство распорядительного документа [Майоров, 2006, с. 112].

Таким образом, основными грамматическими конструкциями, оформляющими каузальный элемент законодательной ситуации, являются придаточные предложения причины (*понеже...*, *того ради*), условия (*ежели...*, *то*), определительные (*а которым...*, *и*), времени, последние в законодательном тексте правильнее толковать как условные (*когда...*, *тогда*). Причина может быть включена в «исполнительскую» часть прямо или в виде пресуппозиции (*указал... о всеконечном іскорененіи повсюду воров*), или в виде придаточного изъяснительного (*видя что указы... злодѣ(ѣ)ски... уничтоживаются*).

Ядром законодательных текстов петровского времени, как и в предшествующие периоды, является «предмет исполнения» («то, что должно исполняться»). Этот элемент может занимать разные позиции в тексте указа или законодательной статьи — в начале, середине и конце документа. Предмет исполнения может целиком «организовывать» статью закона. Например, из таких одночастных статей по преимуществу состоит «Указ о фискалах и о их должности и действии» 1714 года: *Во всех тех делах фискалом надлежит только проводить и доносить и при суде обличать, а самим ничего ни до кого ... отнюдь ни тайно, ни явно не касатца* [Российское законодательство ..., 1986, с. 174].

«Исполнительская» часть выражается различными конструкциями с модальностью побуждения:

1. Инфинитивные конструкции (в том числе с придаточными изъяснительными):

*В чины вышние **выбирать** балатированием от советника в коллегии и выше, кроме дворовых чинов, а ниже без балатирования* [Там же, с. 191].

В состав инфинитивной конструкции мог входить глагол долженствования *надлежит*: *В Сенате **надлежит** чины **сказывать**, о которых ниже изображено* [Там же, с. 191]. Ср. также приведенные выше инфинитивные конструкции, входящие в сложные предложения с причинно-следственной связью.

2. Сослагательное наклонение или придаточное изъяснительное с *чтоб(ы) / дабы* при глаголах-экспликаторах волеизъявления: ***Повелываем** встѣмъ кто какое писмо подимет **то бы** **вѣнцѣ** не доносить **вб** нем **ниже** **цель** [ГАКК, ф. 594, оп. 1, ед. хр. 2, л. 13об.]; *Симъ **заповѣдуется** **чтоб** напечатанное ... **объявлен[ь]** **е** **свѣтские** лица никто **не** **въдали** ниже причетники [ГАКК, ф. 594, оп. 1, ед. хр. 3, л. 12].**

3. Конструкции, включающие глаголы в настоящем времени, со значением долженствования: ***Принцы**, которые от нашей крови происходят, и те, которые снашими принцессами сочтанны: **имеют** при всяких случаях **председательство** и ранг над всеми князьями и высокими служители Российского государства [Российское законодательство..., 1986, с. 62]; ***Всяк должен** **примечать** **прилежно** **пароли** и **лозунги**, которые отдаются [Там же, с. 337].**

4. Форма императива «да + настоящее время глагола». Эта конструкция в деловом письме XVIII века, являясь наследством церковнославянской традиции, была сравнительно редка и появлялась в разножанровых документах, исходящих от духовных лиц или учреждений [Кудрявцева, 2007]. Приведенный ниже пример из петровского «Артикула воинского» представляет собой клише, так как воспроизводится в разных законодательных статьях: *Никто из салдат **да не дерзает** **противитися** исполнять оное **надлежащим** **образом*** [Российское законодательство..., 1986, с. 337]. Следует отметить, что данная формула репрезентирует не саму необходимость исполнения, а требование к его интенсивности.

В законодательных текстах начала XVIII века в качестве структурной части появлялся элемент «нарушение отдельных законодательных пунктов». В отличие от элемента «основание (причина) для законодательного действия», эта часть располагалась после элемента «предмет исполнения» и структурно была связана с элементом «наказание», то есть включалась

в уже известную формулу «преступление — наказание», однако последняя не являлась при этом центром законодательной ситуации. Для выражения данных отношений типична конструкция с придаточным условия: *А буде на сроки платит сполна не будутъ, и за ослушание помещиков и других плательщиковъ ... имать и править на них зборы со штрафом на всяко[й] недоплатно[й] на срокъ сверхъ указу по гривнѣ на рубль* [ГАКК, ф. 594, оп. 1, ед. хр. 1, л. 39–39об]; *А буде кто у описи соли утаитъ или учнетъ солью торговать утайкою ... и за то те люди казнены будутъ смерт[ь]ю* [ГАКК, ф. 594, оп. 1, ед. хр. 1, л. 6]; *А ежели проведаетъ что [крестьяне] к побегу будутъ збираться, техъ отъ того удерживать, а которые побегутъ, за теми гнать в погоню и ловить, и какъ пойманныхъ, такъ и удержанныхъ велеть помещикомъ наказывать* [Российское законодательство ..., 1986, с. 207].

Следует отметить, что некоторые памятники уголовного права обнаруживают преемственность древнерусским законодательным текстам. Таков петровский «Артикул воинский». Большая часть статей в нем имеет двухчастную структуру, где первая часть — нарушение закона (преступление), вторая — наказание за преступление: *Когда офицеръ при молитве пьян явится, а чрезъ оное пьянство другимъ соблазнъ учинитъ: тогда онъ имать в первые и вдругоредь арестомъ у профоса наказанъ, а в третье на несколько времени от службы отставленъ, и рядовымъ учиненъ быть* [Там же, с. 330]; *Ежели кто другаго отравою погубитъ, онаго надлежитъ колесовать* [Там же, с. 358];

«Наказание» могло быть самостоятельным предметом законотворчества (= «то, что должно исполняться»). Все остальные распоряжения располагались вокруг этого семантического центра. Таков петровский «Указ о наказании крестьян и бобылей за неповиновение своимъ владельцамъ и за побегу» (1713 год): *Великий государь указалъ ... крестьянамъ ..., бобылямъ за ихъ ослушанье, что они учинились вышеписаннымъ владельцамъ своимъ ослушны, ... заводчикомъ, кого владельцы объявятъ, учинить наказанье, битъ кнутомъ* [Там же, с. 108]. Элемент «нарушение закона» играет здесь второстепенную роль, о чем свидетельствует его грамматическая позиция в тексте («внутри» описания ситуации наказания) — присутствие в виде обстоятельства и придаточного, напоминающего определительное.

В составе формулы «преступление — наказание» «наказание» было главной частью сложноподчиненных предложений с условной или временной связью: *Ежели изъ вышеписанныхъ злодѣевъ какъ изъ бѣглыхъ драгунъ салдатъ и матросовъ ... такъ і воры и разбо`ники гдѣ ни будутъ пойманы в томъ мѣсте ихъ казнить разными казнями безъ всякаго милосердія* [ГАКК, ф. 594, оп. 1, ед. хр. 1, л. 42]. Ср. также приведенные выше при-

меры, в которых наказание занимает периферийную позицию и вытекает из потенциального неисполнения данного законодательного акта.

Наконец, «наказание» могло быть «встроено» в «исполнительскую» часть:

а) в виде фразеологизированной предложно-падежной формы «под + Т.п.»: *Фискалом надлежит только проводывать и доносить и при суде обличать, а самим ничего ни до кого ... отнюдь ни тайно, ни явно не касатца, под жестоким штрафом или разорением или ссылкой* [Российское законодательство..., 1986, с. 174]; *не докучать под жестоким наказанием* [ГАКК, ф. 594, оп. 1, ед. хр. 2, л. 15]; *чтоб ... сдобътелства производили ... под опасением жестокаго изтязания и тяжкаго штрафования* [ГАКК, ф. 594, оп. 1, ед. хр. 7, л. 11]; *взять скаски и росписи под смертною казнью за ихъ рѹками* [ГАКК, ф. 594, оп. 1, ед. хр. 1, л. 31];

б) в виде деепричастного оборота: *Чинит ... во всем непременно без отла(га)телства опасаясь за неисполнение и несобратие на оные сроки... себя штрафования* [ГАКК, ф. 594, оп. 1, ед. хр. 7, л. 24–24об].

Заметим, что данный структурно-семантический элемент в законодательстве начала XVIII столетия содержал информацию не только о видах наказания, но и о его интенсивности. Интенсивность и эмоциональная напряженность вообще свойственны законотворческой практике Петра.

4. Выводы

В результате анализа законодательных текстов начала XVIII века были выявлены следующие структурно-семантические элементы законодательной ситуации: 1) обстоятельства (причина), вызвавшие необходимость законодательных действий. В качестве таких обстоятельств может выступать как нарушение закона, так и любое положение дел, вызвавшее законотворчество; 2) то, что должно исполняться (предмет исполнения); 3) нарушение предписанного; 4) наказание в случае нарушения (неисполнения).

Такая «развернутая» экспликация свидетельствует об активно развивающейся законодательной системе, для которой характерна детальность выражения правовой информации.

В конкретных законодательных текстах (или статьях внутри кодексов) могут быть представлены не все структурные элементы. Структурным центром любого законодательного текста является «предмет исполнения», который может семантически совпадать с «наказанием», обязательно связанным с элементом «нарушение закона» (основание для законодательного действия). Двухчастная структура законодательной ситуации с элементами «преступление — наказание» очень устойчива и восходит к древнерусской

правовой традиции, при этом грамматическая репрезентация в виде сложноподчиненного предложения с условным придаточным также стабильна. Преемственность древнерусским законодательным текстам обнаруживают и статьи, включающие только элемент «предмет исполнения».

Элемент «наказание» в рассмотренных документах петровского времени может семантически не совпадать с «предметом исполнения», в этом случае «наказание» структурно связано с элементом «нарушение данного законодательного акта». В таких текстах, как правило, эксплицируются все элементы законодательной ситуации.

В качестве «обстоятельств, вызвавших необходимость законодательных действий» могли выступать как нарушения существующих норм, так и некие обстоятельства, требующие правового урегулирования. Таким образом, законодательная ситуация, отраженная в рассмотренных текстах, могла включать два вида нарушений — во-первых, нарушение установленного порядка или изданных ранее законов, во-вторых, неисполнение предписаний данного правового акта. Эти различия нашли отражение и в структуре законодательной ситуации, в которой эти два вида занимают разные позиции.

Источники и принятые сокращения

1. ГАКК — *Государственный архив Красноярского края*. Ф. 594. Оп. 1 : Туруханский Троицкий монастырь.
2. *Обнорский С. П.* Хрестоматия по истории русского языка : часть 1 / С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов. — Москва : Аспект Пресс, 1999. — 439 с.
3. *Российское законодательство X—XX веков* : в 9 томах : Т. 1 : Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. — Москва : Юридическая литература, 1984. — 432 с.
4. *Российское законодательство X—XX веков* : в 9 томах : Т. 2 : Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А. Д. Горский. — Москва : Юридическая литература, 1985. — 520 с.
5. *Российское законодательство X—XX веков* : в 9 томах : Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. — Москва : Юридическая литература, 1986. — 512 с.
6. *Хрестоматия по истории русского языка* / авт.-сост. В. В. Иванов, Т. А. Сумникова, Н. П. Панкратова. — Москва : Просвещение, 1990. — 496 с.

Литература

1. *Акишин М. О.* Юридический язык Русского государства конца XV—XVII веков [Электронный ресурс] / М. О. Акишин // Genesis: исторические исследования. — 2016. — № 3. — С. 168—187. — Режим доступа: http://e-notabene.ru/hr/article_19128.html.

2. *Георгиевский Э. В.* К вопросу о преступном и наказуемом в эпоху Судебников XV—XVII вв. / Э. В. Георгиевский // Сибирский юридический вестник. — 2004. — № 3. — С. 3—6.

3. *Косов А. Г.* Стандартизация текстов деловых документов XVIII века (на примере документных жанров, выражающих побуждение к действию) / А. Г. Косов // Деловой язык XVIII века по архивным данным городов Челябинска, Кургана, Тобольска: сборник статей. — Челябинск : Изд-во ЧГПУ, 2004. — С. 7—34.

4. *Кудрявцева Е. А.* Конструкция «да + презенс глагола» и ее синтаксические синонимы в актовой письменности начала XVIII века : модальные возможности и стилистический статус / Е. А. Кудрявцева // Российский лингвистический ежегодник. — 2007. — Вып. 2 (9). — С. 214—219.

5. *Лыкова Н. Н.* Генезис языка права : начальный этап (на материале французских и русских документов X—XV веков) : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.20 / Н. Н. Лыкова. — Екатеринбург, 2005. — 45 с.

6. *Майоров А. П.* Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века / А. П. Майоров. — Москва : Азбуковник, 2006. — 263 с.

7. *Никитин О. В.* Деловая письменность в истории русского языка (XI—XVIII вв.) : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / О. В. Никитин. — Москва, 2004. — 47 с.

8. *Никитин О. В.* Речевые средства деловой письменности и их функционально-стилистический орнамент в «Словах и делах государевых» / О. В. Никитин // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2007. — № 4. — С. 91—117.

9. *Осовский О. Е.* Древнерусский юридический текст в лингвистических и смежных гуманитарных исследованиях последних десятилетий / О. Е. Осовский // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 1 (31). Ч II. — С. 146—150.

10. *Пронина С. А.* Отражение распорядительной деятельности в документах XIII—XVII веков / С. А. Пронина // Вестник РГГУ. Серия : Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. — 2008. — № 8. — С. 262—268.

11. *Широбокова Л. П.* Юридические тексты : опыт грамматико-типологического исследования : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Л. П. Широкова. — Москва, 2007. — 19 с.

Grammatical Appearance of Law in Language Practice of Early 18th Century

© **Kudryavtseva Ekaterina Aleksandrovna (2018)**, orcid.org/0000-0001-7973-9569, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia), katekudr@yandex.ru.

The structural and semantic elements of the legislative situation, fixed in the legal acts of the beginning of the 18th century, are considered in comparison with the corresponding structural components of the ancient and Old Russian legislative texts. It is determined that the historical changes in the structure of the legislative situation consist in its significant complication, which manifests itself in the explication of a larger number of elements of the situation, and therefore increases the number of grammatical representations of these elements. The elements of the organization of the law as a text in the period under review are determined: circumstances that caused the need for legislative action; something that should be performed; violation of the prescribed; punishment for violation. Particular attention is paid to the definition of the general structural features of the ancient monuments of law and documents of the early 18th century. It is shown that among such features there is the description of situations, including the element "something that should be performed," which is the semantic center of the text of the law and is represented by infinitive constructions. In addition, in these texts situation are marked, built on the model of *violation of the law* → *punishment*: both in the Old Russian texts and in the laws of Peter the Great's time they expressed by constructions with conditional clauses. At the same time, in 18th century documents elements of *violation of the law* → *punishment* often took a peripheral position in the structure of legislative act. The relevance of the research is seen in the identification of the structural model of the law as a text not on the basis of formal-compositional division, typical to the analysis of documents texts, but on the basis of the determining semantic components and their lexical-grammatical representation, characteristic for certain periods.

Key words: history of the Russian language; legislative text; legislative situation; grammatical representation.

Material resources

- GAKK — *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnoyarskogo kraya. F. 594. Op. 1: Turukhanskiy Troitskiy monastyr'*. (In Russ.).
- Gorskiy, A. D. (ed.). 1985. *Rossiyskoye zakonodatelstvo X—XX vekov: 2: Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva*. Moskva: Yuridicheskaya literatura. (In Russ.).
- Ivanov, V. V., Sumnikova, T. A., Pankratova, N. P. (eds.). 1990. *Khrestomatiya po istorii russkogo yazyka*. Moskva: Prosveshcheniye. (In Russ.).
- Mankov, A. G. (ed.). 1986. *Rossiyskoye zakonodatelstvo X—XX vekov: 4: Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absol'yutizma*. Moskva: Yuridicheskaya literatura. (In Russ.).
- Obnorskiy, S. P., Barkhudarov, S. G. 1999. *Khrestomatiya po istorii russkogo yazyka: 1*. Moskva: Aspekt Press. (In Russ.).
- Yanin, V. L. (ed.). 1984. *Rossiyskoye zakonodatelstvo X—XX vekov: 1: Zakonodatel'stvo Drevney Rusi*. Moskva: Yuridicheskaya literatura. (In Russ.).

References

- AKishin, M. O. 2016. Yuridicheskiy yazyk Russkogo gosudarstva kontsa XV—XVII. *Genesis: istoricheskiye issledovaniya*, 3: 168—187. Available at: http://e-notabene.ru/hr/article_19128.html. (In Russ.).
- Georgievskiy, E. V. 2004. K voprosu o prestupnom i nakazuyemom v epokhu Sudebnikov XV—XVII. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*, 3: 3—6. (In Russ.).

- Kosov, A. G. 2004. Standartizatsiya tekstov delovykh dokumentov XVIII veka (na primere dokumentnykh zhanrov, vyrazhayushchikh pobuzhdenie k deystviyu). In: *Delovoy yazyk XVIII veka po arkhivnym dannym gorodov Chelyabinska, Kurgana, Tobolska: sbornik statey*. Chelyabinsk: Izd-vo ChGPU. 7—34. (In Russ.).
- Kudryavtseva, E. A. 2007. Konstruktsiya «da + prezens glagola» i eyo sintaksicheskiye sinonimy v aktovoy pismennosti nachala XVIII: modalnyye vozmozhnosti i stilisticheskiy status. *Rossiyskiy lingvisticheskiy ezhegodnik*, 2 (9): 214—219. (In Russ.).
- Lykova, N. N. 2005. *Genezis yazyka prava: nachalnyy etap (na materiale frantsuzskikh i russkikh dokumentov X—XV: avtoreferat dissertatsii ... doktora filologicheskikh nauk*. Yekaterinburg. (In Russ.).
- Mayorov, A. P. 2006. *Ocherki leksiki regionalnoy delovoy pismennosti XVIII*. Moskva: Azbukovnik. (In Russ.).
- Nikitin, O. V. 2004. *Delovaya pismennost' v istorii russkogo yazyka (XI—XVIII): avtoreferat dissertatsii ... doktora filologicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Nikitin, O. V. 2007. Rechevyie sredstva delovoy pismennosti i ikh funktsionalno-stilisticheskiy ornament v «Slovakh i delakh gosudarevykh». *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina*, 4: 91—117. (In Russ.).
- Osovskiy, O. E. 2014. Drevnerusskiy yuridicheskiy tekst v lingvisticheskikh i smezhnykh humanitarnykh issledovaniyakh poslednikh desyatiletiiy. *Filologicheskoye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 1 (31) / II: 146—150. (In Russ.).
- Pronina, S. A. 2008. Otrazheniye rasporyaditel'noy deyatel'nosti v dokumentakh XIII—XVII. *Vestnik RGGU. Seriya: Dokumentovedeniye i arkhivovedeniye. Informatika. Zashchita informatsii i informatsionnaya bezopasnost'*, 8: 262—268. (In Russ.).
- Shirobokova, L. P. 2007. *Yuridicheskiye teksty: opyt grammatiko-tipologicheskogo issledovaniya: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).